

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Рассказы, сценки, наброски

1

Однажды Андрей Васильевич шел по улице и потерял часы. Вскоре после этого он умер. Его отец, горбатый, пожилой человек целую ночь сидел в цилиндре и сжимал левой рукой тросточку с крючковой ручкой. Разные мысли посещали его голову, в том числе и такая: жизнь – это Кузница.

2

Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович, или вернее Василий Антонович, обнял Марию Михайловну и назвал ее своей владычицей. Она же молчала и с надеждой глядела вперед и вверх. И тут же паршивый горбун Василий Антонович решил уничтожить свой горб.

3

Для этой цели Василий Антонович сел в седло и приехал к профессору Мамаеву. Профессор Мамаев сидел в саду и читал книгу. На все просьбы Василия Антоновича профессор Мамаев отвечал одним словом: «Успеется.» Тогда Василий Антонович пошел и лег в хирургическое отделение.

4

Фельдшера и сестры милосердия положили Василия Антоновича на стол и покрыли простыней. Тут в комнату вошел сам профессор Мамаев. «Вас побрить?» – спросил профессор. «Нет, отрежьте мне мой горб», – сказал Василий Антонович.

Началась операция. Но кончилась она неудачно, потому что одна сестра милосердия покрыла свое лицо клетчатой тряпочкой и ничего не видела, и не могла подавать нужных инструментов. А фельдшер завязал себе рот и нос, и ему нечем было дышать, и к концу операции он задохнулся и упал замертво на пол. Но самое неприятное – это то, что профессор Мамаев второпях забыл снять с пациента простыню и отрезал ему вместо горба что-то другое, – кажется затылок. А горб только потыкал хирургическим инструментом.

5

Придя домой, Василий Антонович до тех пор не мог успокоиться, пока в дом не ворвались испанцы и не отрубили затылок кухарке Андрюшке.

6

Успокоившись, Василий Антонович пошел к другому доктору, и тот быстро отрезал ему горб.

7

Потом все пошло очень просто. Мария Ивановна развелась с Василием Антоновичем и вышла замуж за Бубнова.

8

Бубнов не любил своей новой жены. Как только она уходила из дома, Бубнов покупал себе новую шляпу и все время здоровался со своей соседкой Анной Моисеевной. Но вдруг у Анны Моисеевны сломался один зуб, и она от боли широко открыла рот. Бубнов задумался о своей биографии.

9

Отец Бубнова, по имени Фы, полюбил мать Бубнова, по имени Хню. Однажды Хню сидела на плите и собирала грибы, которые росли около нее. Но он неожиданно сказал так:

– Хню, я хочу, чтобы у нас родился Бубнов.

Хню спросила:

– Бубнов? Да, да?

– Точно так, ваше сиятельство, – ответил Фы.

10

Хню и Фы сели рядом и стали думать о разных смешных вещах и очень долго смеялись.

11

Наконец, у Хню родился Бубнов.

первая половина 1931 года

Даниил Иванович Хармс

* * * 1

Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что-то сделала.

Алексей Толстой тоже что-то сделал.

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольге Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и, выйдя на Фонтанку, стал ржать по-лошадиному. Все говорили: «Вот ржет крупный современный писатель.» И никто Алексея Толстого не тронул.

1934 год

Даниил Иванович Хармс

* * *

Андрей Семёнович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Семёнович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрей Семёновича забилось сердце.

В это время проснулась собака Андрея Семёновича. Андрей Семёнович подошел к окну и задумался.

Вдруг что-то большое и темное пронеслось мимо лица Андрея Семёновича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Семёновича и понеслась как ворона на крышу противоположного дома. Андрей Семёнович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

– Что с вами? Вы больны?– спросил товарищ Попугаев.
Андрей Иванович молчал и тер лицо руками.
Товарищ Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.
– Что это тут у Вас налито?– спросил он Андрея Ивановича.
– Не знаю,– сказал Андрей Иванович.

Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на свое прежнее место и заснула.

Андрей Иванович подошел к столу и вылил из чашки почерневшую воду. И на душе у Андрея Ивановича стало светло.

21 августа 1934 года

Даниил Иванович Хармс

История

Абрам Демьянович Пентопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок. Но было поздно. Пепел и мягкая пыль залепила глаза Абрама Демьяновича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками, и Абрам Демьянович ослеп.

Слепому инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 рублей в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-порей стоил 48 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал все чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобные отбросы.

А на чужом дворе и саму-то помойку найти нелегко. Глазами-то не видать, а спросить: где тут у вас помойная яма? – как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадется, а другой так шуганет, что всякий аппетит пропадет.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, и он вылез обратно. Так в тот день и не ел ничего.

Но вот как-то утром у Абрама Демьяновича что-то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович потерял этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что-то отскочило, и Абрам Демьянович прозрел. С этого дня Абрам Демьянович пошел в гору.

Всюду Абрама Демьяновича нарасхват.

А в Наркомтяжпроме, так там Абрама Демьяновича чуть не на руках носили.

И стал Абрам Демьянович великим человеком.

1936 год

Даниил Иванович Хармс

Вопрос

– Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но и в других мирах? – спросил я своего

учителя.

– Есть, – ответил мне мой учитель.

– Что же это? – спросил я.

– Это... – начал мой учитель и вдруг замолчал.

Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

Мы оба стоим и молчим.

Хо-ля-ля!

Мы оба стоим и молчим.

Хэ-лэ-лэ!

Да, да, мы оба стоим и молчим.

16—17 июля 1936 года

Даниил Иванович Хармс

* * *

Я поднял пыль. Дети бежали за мной и рвали на себе одежду. Старики и старухи падали с крыш. Я свистел, я громыхал, я лязгал зубами и стучал железной палкой. Рваные дети мчались за мной и, не поспевая, ломали в страшной спешке свои тонкие ноги. Старики и старухи скакали вокруг меня. Я несся вперед! Грязные, рахитичные дети, похожие на грибы-поганки, путались под моими ногами. Мне было трудно бежать. Я поминутно спотыкался и раз даже чуть не упал в мягкую кашу из барахтающихся на земле стариков и старух. Я прыгнул, оборвал нескольким поганкам головы и наступил на живот худой старухи, которая при этом хрустнула и тихо произнесла: «Замучили!» Я, не оглядываясь, побежал дальше. Теперь под моими ногами была чистая и ровная мостовая. Редкие фонари освещали мне путь. Я подбежал к бане. Приветливый банный огонек уже мелькал передо мной, и банный, уютный, но душный, пар уже лез мне в ноздри, уши и рот. Я, не раздеваясь, пробежал сквозь предбанник, потом мимо кранов, шаек и нар, прямо к полке. Горячее белое облако окружило меня. Я слышу слабый, но настойчивый звон. Я, кажется, лежу.

...И вот тут-то могучий отдых остановил мое сердце.

1 февраля 1939 года

Даниил Иванович Хармс

Кирпич

Господин невысокого роста с камушком в глазу подошел к двери табачной лавки и остановился. Его черные, лакированные туфли сияли у каменной ступеньки, ведущей в табачную лавку. Носки туфель были направлены вовнутрь магазина. Еще два шага, и господин скрылся бы за дверью. Но он почему-то задержался, будто нарочно для того, чтобы подставить голову под кирпич, упавший с крыши. Господин даже снял шляпу, обнаружив свой лысый череп, и, таким образом, кирпич ударил господина прямо по голой голове, проломил черепную кость и застрял в мозгу. Господин не упал. Нет, он только пошатнулся от страшного удара, вынул из кармана платок, вытер им лицо, залепленное крова-

выми мозгами, и, повернувшись к толпе, которая мгновенно собралась вокруг этого господина, сказал:

– Не беспокойтесь, господа: у меня была уже прививка. Вот видите – у меня в правом глазу торчит камушек. Это тоже был однажды случай. Я уже привык к этому. Теперь мне все трын-трава!

И с этими словами господин надел шляпу и ушел куда-то в сторону, оставив смущённую толпу в полном недоумении.

1939—1940 гг.

Даниил Иванович Хармс

* * *

Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде. Так приятно бить по морде человека!

Я сижу у себя в комнате и ничего не делаю.

Вот кто-то пришел ко мне в гости, он стучится в мою дверь.

Я говорю: «Войдите!» Он входит и говорит: «Здравствуйте! Как хорошо, что я застал вас дома!» А я его стук по морде, а потом ещё сапогом в промежность. Мой гость падает навзничь от страшной боли. А я ему каблуком по глазам! Дескать, нечего шляться, когда не звали!

А то ещё так. Я предлагаю гостю выпить чашку чая. Гость соглашается, садится к столу, пьет чай и что-то рассказывает. Я делаю вид, что слушаю его с большим интересом, киваю головой, ахаю, делаю удивленные глаза и смеюсь. Гость, польщенный моим вниманием, расходится все больше и больше.

Я спокойно наливаю полную чашку кипятка и плещу кипятком гостю в морду. Гость вскакивает и хватается за лицо. А я ему говорю: «Больше нет в душе моей добродетели. Убирайтесь вон!» И я выталкиваю гостя.

1939 год

Даниил Иванович Хармс

Реабилитация

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я оторвал ему ещё днем. Тогда он был еще жив. А Андриюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не могу обвинить. Зачем Андриюша с Елизаветой Антоновной попались мне под руку? Им было ни к чему выскакать из-за двери. Меня обвиняют в кровожадности, говорят, что я пил кровь, но это неверно: я подлизывал кровяные лужи и пятна – это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А также я не насиловал Елизавету Антоновну. Во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голову, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну хорошо: во всем этом (я могу согла-

ситься) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, – это уже, извините, абсурд. Испражняться – потребность естественная, а, следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

1940 год

Даниил Иванович Хармс

Происшествие на улице²

Однажды один человек соскочил с трамвая, да так неудачно, что попал под автомобиль. Движение уличное остановилось, и милиционер принялся выяснять, как произошло несчастье. Шофер долго что-то объяснял, показывая пальцем на колеса автомобиля. Милиционер ощупал эти колеса и записал в свою книжечку название улицы. Вокруг собралась довольно многочисленная толпа.

Какой-то человек с тусклыми глазами все время сваливался с тумбы. Какая-то дама все оглядывалась на другую даму, а та, в свою очередь, все оглядывалась на первую даму. Потом толпа разошлась, и уличное движение вновь восстановилось.

Гражданин с тусклыми глазами ещё долго сваливался с тумбы, но, наконец, и он, отчаявшись, видно, утвердился на тумбе, лег просто на тротуар. В это время какой-то человек, несший стул, со всего размаху угодил под трамвай. Опять пришел милиционер, опять собралась толпа, и остановилось уличное движение. И гражданин с тусклыми глазами опять начал сваливаться с тумбы. Ну а потом все стало хорошо, и даже Иван Семёнович Карпов завернул в столовую.

10 января 1935 года

Даниил Иванович Хармс

Басня

Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на все, только бы быть капельку повыше». Только он это сказал, как смотрит – перед ним волшебница. А человек небольшого роста стоит и от страха ничего сказать не может.

«Ну?» – говорит волшебница. А человек небольшого роста стоит и молчит. Волшебница исчезла. Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках ногти сгрыз, а потом на ногах.

* * *

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе.

19... год

Даниил Иванович Хармс

* * *

Два человека разговорились. Причем один человек заикался на гласных, а другой на гласных и согласных.

Когда они кончили говорить, стало очень приятно – будто потушили примус.

19... год

Даниил Иванович Хармс

* * *

Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате. Он размахивает коробочкой, показывает на неё пальцем и очень, очень рад.

Антон Гаврилович звонит в колокольчик, входит слуга и приносит кадку с землей.

Антон Гаврилович достает из коробочки боб и сажает его в кадку. Сам же Антон Гаврилович делает руками замечательные движения. Из кадки растёт дерево.

1931 год

Даниил Иванович Хармс

Синфония №2

Антон Михайлович плюнул, сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх» и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1883 году в Константинополе. Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург, и тут он окончил немецкую школу на Кирочной улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом ещё чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнатьевну.

Но про Анну Игнатьевну рассказать не так-то просто. Во-первых, я о ней почти ничего не знаю, а во-вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чем собирался рассказывать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, неглупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима Измайловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но все же забавный, ибо Марина Петровна благодаря мне совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришел я однажды к Марине Петровне, а она трах! – и облысела. Вот и все.

9—10 июня 1941 года

Даниил Иванович Хармс

* * *

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*)

Вот вам и зима настала. Пора печи топить. Как по-вашему?

Семёнов

По-моему, если отнестись серьезно к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно, пора затопить печку.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*)

А как по-вашему, зима в этом году будет холодная или тёплая?

Семёнов

Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, то зима всегда холодная.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*)

А вот мне никогда не бывает холодно.

Семёнов

Это совершенно правильно, что вы говорите, что вам не бывает холодно. У вас такая натура.

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*)

Я не зябну.

Семёнов

Ох!

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*)

Что ох?

Семёнов (*держась за щеку*)

Ох! Лицо болит!

Григорьев

Почему болит?

и с этими словами хватъ Семёнова по морде

Семёнов (*падая со стула*)

Ох! Сам не знаю!

Григорьев (*ударяя Семёнова ногой по морде*)

У меня ничего не болит.

Семёнов

Я тебя, сукин сын, отучу драться.

пробует встать

Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*)

Тоже, учитель нашелся!

Семёнов (*валится на спину*)

Сволочь паршивая!

Григорьев

Ну ты, выбирай выражения полегче!

Семёнов (*сильясь подняться*)

Я, брат, долго терпел. Но хватит.

Григорьев (*ударяя Семёнова каблуком по морде*)

Говори, говори! Послушаем.

Семёнов (*валится на спину*)

Ох!...

19... год

Даниил Иванович Хармс

Победа Мышина

Мышину сказали:

– Эй, Мышин, вставай!

Мышин сказал:

– Не встану,– и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошел Калугин и сказал:

– Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать.

– Нет,– сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнева и сказала:

– Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперед.

– Мешал и буду мешать,– сказал Мышин.